

## Гендерная специфика религиозного поведения (на примере дагестанского населения)

Мадина М. Шахбанова

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,  
Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru*

*Аннотация.* Проблема религиозности и вытекающего из него религиозного поведения ярко себя проявила в постсоветский период на фоне секуляризации российского общества. Несомненно, что религия в обществе в целом и в личной жизни индивида играет существенную роль, которая может быть в разные исторические периоды неоднозначной. Поэтому вектор развития религиозного возрождения будет определять позитивный/негативный сценарий и климат в обществе. Маркером диагностики религиозного поведения дагестанского населения является содержательная наполненность понятия «истинно верующий», которое определяет нормативную религиозную практику. Верификация эмпирического материала показывает существование определенных различий в установках опрошенных мужчин и женщин в обозначении «истинно верующий человек»: вторые акцентируют внимание на морально-нравственном признаке, наличии определенных моральных свойств, позволяющих идентифицировать человека как «истинно верующий».

*Ключевые слова:* религия, ислам, религиозность, религиозное поведение, исламские постулаты, гендер, дагестанское общество

*Для цитирования:* Шахбанова М.М. Гендерная специфика религиозного поведения (на примере дагестанского населения) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 457–467. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-457-467

## Gender specificity of religious behavior (on the example of the Dagestan population)

Madina M. Shakhbanova

*Dagestan Federal Research Russian Academy of Sciences Center,  
Makhachkala, Russia, madina2405@mail.ru*

*Abstract.* The issue of religiosity and resulting from it religious behavior manifested itself vividly in the post-Soviet period against the background of

secularization of Russian society. There is no doubt that religion in society as a whole and in the personal life of an individual plays an essential role, which may be ambiguous in different historical periods. Therefore, the vector of development for religious revival will determine the positive/negative scenario and the climate in society. The marker for diagnosing the religious behavior of the Dagestan population is the content of the concept “true believer”, which defines normative religious practice. Verification of the empirical material shows the existence of certain differences in the attitudes of the interviewed men and women in the designation “a true believer”: the latter focus on the moral and moral attribute, the presence of certain moral properties that allow identifying a person as a “true believer”.

*Keywords:* religion, Islam, religiosity, religious behavior, religious behavior, Islamic postulates, gender, Dagestan society

*For citation:* Shakhbanova, M.M. (2022), “Gender specificity of religious behavior (on the example of the Dagestan population)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 457–467, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-457-467

Распад Советского Союза и его последствия не теряют своей актуальности по целому ряду причин: изучение любой социальной сферы (политическая, экономическая, социальная, духовная, религиозная и др.), как правило, сопровождается анализом ранее имевшей модели, которая в новых исторических реалиях закономерно подверглась масштабным преобразованиям. Разумеется, что эти реформы имели не только позитивные, но и негативные последствия, которые в зависимости от своей значимости по-разному отразились на состоянии российского социума в целом. В рамках данного исследования ключевым является установление факторов религиозного возрождения, его итогов, определение места конфессионального компонента в массовом сознании. Поэтому актуальным является установление веса, в данном контексте исламского вероучения, для носителей данного вероисповедания, выявление степени религиозности и понимание «религиозности», индикаторов его измерения, т. е. нормативной религиозной практики.

Что такое религиозность и какими методами можно ее измерить? Вопрос, который важен для исследователей при изучении религиозных процессов на постсоветском пространстве. Особенно он актуален в регионах, исповедующих мусульманство, по целому ряду причин, среди которых ключевой является установление почвы появления религиозного экстремизма и экстремальности сознания.

Отечественные исследователи дают качественный анализ феномена религиозности, обозначают разные формы ее существования (традиционная и нетрадиционная религиозность). Феномен религиозности рассмотрен в работах К.С. Дивисенко, по мнению которого «проблематичным оказывается понятие “религиозность”» [Дивисенко 2011, с. 85], С.В. Рыжовой, утверждающей, что «в постсоветский период она (религиозность. – *Авт.*) превратилась в активный элемент этнического самоопределения и политического позиционирования» [Рыжова 2019, с. 49], Д.М. Угриновича [Угринович 1985], Е.В. Пруцковой, которая рассматривает «религиозность как иерархически организованный и многомерный феномен» [Пруцкова 2013, с. 74]. В современной социологии религии имеют место новые теоретико-методологические подходы исследования религиозности, особенностей ее выражения, и таковой является теория депривации [Исаева 2019]. Таким образом, рассматривая религиозность как своеобразный социальный феномен, необходимо исходить из того, что «в основе всех систем верований и всех культов... должно существовать некоторое число основных представлений и ритуальных установок» [Мистика. Религия 1998, с. 180].

Установление содержания религиозности ставит вопрос о том, как индицируется данное явление и, по мнению одних исследователей,

...о религиозности следует судить по наличию в сознании определенных религиозных идей (например, понятие о Боге). Другие придают первостепенное значение религиозным признакам поведения людей – отправлению религиозных обрядов и праздников, членству в религиозных группах и т. д. [Яблоков 1979, с. 124].

То есть исследование религиозности требует анализа данного явления в сопряженности с моделью религиозной практики человека, которая покажет «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» [Ильясов 1987, с. 51]. К сожалению, в отечественной науке полноценное изучение положения религии, востребованность вероучений в общественном сознании, типы религиозности, нормативная религиозная практика и ряд других не менее важных вопросов практически не нашли своего рассмотрения в силу доминирования атеистического мировоззрения в нашей стране. Однако имелись единичные исследования, среди них работы Ф.Н. Ильясова и Н.П. Алексеева:

...для измерения религиозности применялся показатель «участие в религиозных обрядах», который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – «вера в сверхъестественное» – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины [Ильясов 1987, с. 50].

### В концепции Н.П. Алексеева

...одним из центральных вопросов методики конкретного изучения религиозных пережитков любой социальной группы является вопрос о критерии религиозности: кого считать верующим, по каким признакам его следует отличать от колеблющегося или неверующего? [Алексеев 1967, с. 133].

### Н.П. Алексеев критерием религиозности считает

...веру в существование Бога, а все остальные признаки религиозности – участие в богослужениях, отправление различных обрядов, которые нередко берутся за основу суждений о религиозной принадлежности, по его утверждению, являются второстепенными... Это не значит, что второстепенные признаки религиозности должны игнорироваться в социологическом исследовании. Учет их необходим, так как они служат дополнением и уточнением действительного отношения человека к религии [Алексеев 1967, с. 134].

В рамках изучения религии, религиозного сознания и поведения российские исследователи уделяют внимание выявлению индикаторов соответствия религиозным требованиям, на основании которых человека можно считать принадлежащим определенной конфессии. Таковым является метод «В-индекс» В.Ф. Чесноковой [Чеснокова 2005, с. 59], который Ю.Ю. Синелиной был адаптирован для изучения религиозности последователей мусульман [Синелина 2013].

В.Ф. Анурин считает, что «реальную приверженность к религии – религиозность – следует определять по характеру различных форм религиозного поведения человека» [Анурин 2013, с. 139], поэтому индикаторами измерения культового поведения выступают

...1. молятся; 2. следуют религиозным заповедям; 3. посещают религиозные службы в храме; 4. читают священные книги; 5. причащаются; 6. исповедуются; 7. соблюдают установленные посты [Анурин 2013].

Эмпирической базой исследования является авторский социологический опрос, проведенный в городах Республики Дагестан (Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр) в 2020 г. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование. N = 563. Мужчины – 274, женщины – 289. Гипотеза исследования заключается в том, что понимание сущности «истинно верующий человек» и декларируемое культовое поведение (каноны мусульманства) не соответствуют реальной религиозной практике человека. Кроме того, позиция о большей религиозности и активном религиозном поведении женщин, по сравнению с мужчинами, также представляется ошибочной.

По всему массиву опрошенных для 70,8% конфессиональная принадлежность является важнейшим индикатором, по гендерной принадлежности данную точку зрения разделяют 67,0% мужчин и заметно большая часть женщин (73,4%). Далее, с большим отрывом от предыдущего суждения, на второй позиции располагается вариант ответа, констатирующий не очень важное значение религиозной принадлежности (14,0%), среди них почти равные доли опрошенных мужчин (14,3%) и женщин (13,8%). При этом обращает на себя внимание, что одна девятая часть опрошенных мужчин отметила вариант ответа «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность» против 6,7% женщин. При конкретизации вопроса о роли вероучения в личной жизни респондента получены следующие ответы: в жизни одной второй части опрошенных по всей выборке религия выполняет «очень важную» роль, среди них выделяется подмассив женский (45,0%), среди мужчин процентный параметр ниже (40,0%). Далее, 35,5% респондентов придерживаются позиции о «важной» роли вероисповедания в своей личной жизни (здесь доля мужчин чуть больше в сравнении с женщинами – 36,5 и 34,9% соответственно). С разницей в сотые доли респонденты-мужчины (11,7%) и женщины (11,9%) подчеркивают, что религия в их жизни играет «не очень важную» роль; вариант ответа «никакую» отмечен 5,9% по всему массиву, из них 7,0% мужчин и 5,2% женщин. Таким образом, аналитика вопросов «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» и «Какую роль играет религия в Вашей личной жизни?» демонстрирует явную выраженность религиозности женского населения по сравнению с мужским, более того, и востребованность религиозного учения в личной жизни опрошенных женщин.

Установление степени потребности вероисповедания в идентификационных процессах и личной жизни индивида предполагает выявление характерного респондентам религиозного поведения. Что такое религиозное поведение? В чем оно заключается? Какую

функцию выполняет религиозное поведение в формировании религиозной идентичности? – вот эти вопросы являются первостепенными в рамках изучения религиозного учения в целом, причин религиозного ренессанса, а также нормативной культовой практики верующего.

В нашем исследовании были затронуты вопросы, позволяющие выявить существующие в общественном сознании опрошенного дагестанского населения установки и понимание поведения верующего человека. Ответы на вопрос «Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?» показывают превалирование с большим преимуществом суждения о необходимости следовать правилам имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы), и здесь различие между мужчинами и женщинами составляет в сотые – 68,5 и 68,6% соответственно. При этом можно отметить существование различий по иным позициям: на регулярность чтения мусульманской религиозной литературы указывают 17,6 и 12,8% женщин; посещение священных мест («зиярат») важен для мужской части (16,9%), по сравнению с женщинами (9,7%). Далее, истинно верующим женщины считают человека, который живет и следует нормативным религиозным правилам (32,1%), доля мужчин составляет 28,3%. Такая же картина наблюдается и по вариантам ответов: истинно верующим 20,5% мужчин и 23,3% женщин считают нравственного человека, причем здесь значения не имеет, верующий или неверующий человек, более того, 30,2% мужчин и 39,4% женщин считают, что «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек». Такая установка свидетельствует о значимости для опрошенных независимо от гендерной принадлежности моральных качеств, чем религиозное поведение в целом. Здесь закономерно возникает вопрос: «Почему респонденты акцентируют внимание» на нравственном компоненте при некотором игнорировании собственно исламских правил поведения?». Видимо, это обусловлено критическим отношением к духовным лицам и их деятельности, определенным недоверием к ним, которое порой вполне обоснованно.

Далее в исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий глубже изучить выраженность религиозности и ее согласованность с религиозной практикой верующего (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:  
«Что обязан делать верующий человек?» (%)

| Варианты ответов                                                                          | Мужчины | Женщины | Всего |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|---------|---------|-------|
| Регулярно посещать мечеть                                                                 | 43,1    | 26,5    | 33,4  |
| Соблюдать пост (Ураза)                                                                    | 60,6    | 60,4    | 60,5  |
| Читать религиозные тексты                                                                 | 27,7    | 23,8    | 25,5  |
| Совершать намаз                                                                           | 70,2    | 77,1    | 74,1  |
| Посещать религиозные службы                                                               | 17,1    | 10,2    | 12,9  |
| Праздновать религиозные праздники                                                         | 29,7    | 30,8    | 30,3  |
| Я не соблюдаю ни одно из предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком | 10,1    | 13,4    | 12,0  |
| Выплачивать религиозный налог (закят)                                                     | 30,2    | 38,6    | 35,2  |
| Совершить паломничество (хадж)                                                            | 29,3    | 35,2    | 32,9  |

Полученный эмпирический материал показывает, что между респондентами, мужчинами и женщинами, отсутствуют явно выраженные различия в обозначении ключевых для последователя ислама религиозных правил. Однако возникает вопрос в отношении некоторых параметров измерения религиозного поведения, вернее, обязанности верующего человека: в части посещения мечети и религиозных служб, где процентные показатели различаются. Дело в том, что женщины-мусульманки не посещают мечеть, более того, такое посещение и не одобряется по самым различным причинам. Кроме того, декларирование нормативной религиозной практики не всегда соответствует реальной религиозной практике человека, который обозначает свое отношение к религии как верующий. Чтобы выявить эту несогласованность (с одной стороны, обязанности мусульманина, с другой – реальное религиозное поведение) респондентам был задан следующий вопрос (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы:  
 «Как часто Вы посещаете мечеть?»,  
 «Как часто Вы молитесь?»,  
 «Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?»,  
 «Как часто Вы выплачиваете религиозный  
 налог (закят)?» (%)

| Варианты ответов                                            | Мужчины | Женщины | Всего |
|-------------------------------------------------------------|---------|---------|-------|
| Посещение мечети                                            |         |         |       |
| Постоянно                                                   | 17,4    | 2,8     | 8,8   |
| Часто                                                       | 30,4    | 9,8     | 18,3  |
| Редко                                                       | 28,7    | 30,9    | 30,0  |
| Никогда                                                     | 20,0    | 50,5    | 37,9  |
| Частотность молитвы (намаз)                                 |         |         |       |
| Постоянно                                                   | 56,5    | 57,2    | 56,9  |
| Редко                                                       | 17,0    | 15,3    | 16,0  |
| Никогда                                                     | 17,4    | 21,7    | 19,9  |
| Регулярность соблюдения поста (Ураза)                       |         |         |       |
| Постоянно                                                   | 50,9    | 47,1    | 48,   |
| Редко                                                       | 34,8    | 36,4    | 35,7  |
| Никогда                                                     | 11,7    | 13,1    | 12,6  |
| Регулярность выплаты исламского религиозного налога (закят) |         |         |       |
| Постоянно                                                   | 40,9    | 36,4    | 38,2  |
| Редко                                                       | 23,9    | 26,0    | 25,1  |
| Никогда                                                     | 22,6    | 28,7    | 26,2  |

Анализ социологического материала показывает, что опрошенные мужчины «часто» и с небольшой разницей «редко» посещают мечеть, следовательно, присутствуют и на религиозной службе (рузман – в пятницу у мусульман). В регулярности совершения молитвы различий между мужчинами и женщинами не наблюдается, но среди мужчин чуть больше доля «редко молящихся», а среди женщин – никогда не совершающих молитву (намаз). В соблюдении обязательного для мусульманской паствы поста (Ураза) также не наблюдается отличий, впрочем, как и по выплате религиозного

налога. Таким образом, можно утверждать, что между опрошенными мужчинами и женщинами не существует ярко выраженных различий в отправлении религиозной практики, более того, она по некоторым позициям активно соблюдается.

Далее в исследовании был задан вопрос, показывающий степень активности и пассивности опрошенного дагестанского населения. По данным исследования, 18,7% мужчин и заметно меньшая часть женщин (10,4%) постоянно принимают участие во всех исламских обрядах, более того, ведут активную религиозную пропаганду. Суждение об избирательном участии в религиозной деятельности («участвую в главных религиозных обрядах») подчеркнуто почти равной частью в обеих подгруппах: 27,4% мужчин и 27,5% женщин. При этом по всему превалирует суждение «иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (42,5%), среди них 40,4% мужчин и 44,0% женщин; далее практически никакой религиозной деятельности не ведут 12,2% мужчин и 15,0% женщин. Полученные данные показывают, что опрошенные мужчины и женщины в равных пропорциях обозначают свое отношение к вероисповеданию, ее важность в повседневной жизни, но при этом придерживаются религиозной практики, характерной когорте самоидентифицирующихся как «колеблющиеся». Иными словами, наблюдается несогласованность между провозглашенными религиозными правилами и реальным их соблюдением.

Частотность соблюдения нормативной религиозной практики является индикатором измерения степени религиозности населения. Авторский эмпирический материал показывает отсутствие ярко выраженных различий по гендерному признаку в осознании понятия «истинно верующий», хотя в общественном сознании женской подгруппы имеет место превалирование важности нравственного параметра. Обе подгруппы декларируют необходимость активной религиозной практики, в реальности наблюдается пассивное культовое поведение, которое выражается в игнорировании базовых мусульманских постулатов. Кроме того, опрошенное население предпочтение отдает светскому государству, в котором созданы условия для свободы совести и паства имеет возможность соблюдать религиозные нормы и правила. Несомненно, что происходит трансформация религиозного сознания дагестанских мужчин и женщин, которая, с одной стороны, проявляется не только в приобщении к основам вероучения, но и в изменении внешнего облика последователя мусульманства. Этому способствует появление исламских учебных заведений, параллельное обучение в светских и религиозных учебных заведениях, стремление родителей дать своим детям базовое религиозное образование.

## Литература

---

- Алексеев 1967 – Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научно-го атеизма. М.: Мысль, 1967. Вып. 3. С. 131–150.
- Анурин 2013 – Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135–146.
- Дивисенко 2011 – Дивисенко К.С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
- Ильясов 1987 – Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50–55.
- Исаева 2019 – Исаева В.Б. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 3–150. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
- Мистика. Религия 1998 – Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозного учения. Антология / Пер. с англ., нем., фр.: Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.
- Пруцкова 2013 – Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72–88.
- Рыжова 2019 – Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 49–58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
- Синелина 2013 – Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104–115.
- Угринович 1985 – Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 127 с.
- Чеснокова 2005 – Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.
- Яблоков 1979 – Яблоков И.Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.

## References

---

- Alekseev, N.P. (1967) “Methods and results of studying the religiosity of the rural population (based on the materials of the Orel region)”, *Questions of scientific atheism*, iss. 3, Mysl', Moscow, Russia, pp. 131–150.
- Anurin, V.F. (2013), “Religion as a factor of social integration”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 135–146.
- Chesnokova, V.F. (2005), “*Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [In a tight path. Process of church orientation of people of Russia in the end of 20<sup>th</sup> century]”, *Akademicheskii proekt*, Moscow, Russia.

- Divisenko, K.S. (2011), "Religious knowledge, beliefs, practices in structure of life world", *Sociological Journal*, no. 4, pp. 84–100.
- Il'yasov, F.N. (1987), "Religious consciousness and behavior", *Sociological Studies*, no 3, pp. 50–55.
- Isaeva, V.B. (2019), "Theory of deprivation as instrument of research of nontraditional religiosity", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 31–50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
- Krasnikov, A.N. (ed.) (1998), *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya* [Mistics. Religion. Science. Classics of world religion science. Anthology], Kanon+, Moscow, Russia.
- Prutskova, E.V. (2013), "Religiosity and its consequences in the sphere of norms and values", *Sociological Journal*, no. 2, pp. 72–88.
- Ryzhova, S.V. (2013), "Religiosity, Ethno-Confessional Identity and Issues of Interethnic Accord", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 49–58, DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
- Sinelina, Yu.Yu. (2013), "About the dynamics of the religiosity of Russians and some methodological issues of its study (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims)", *Sociological Studies*, no. 10, pp. 104–115.
- Ugrinovich, D.M. (1985), *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religion studies], Mysl', Moscow, Russia.
- Yablokov, I.N. (1979), *Sociologiya religii* [Sociology of religion], Mysl', Moscow, Russia.

### *Информация об авторе*

*Мадина М. Шахбанова*, доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия; 367030, Россия, Махачкала, ул. Ярагского, д. 75; madina2405@mail.ru

### *Information about the author*

*Madina M. Shakhbanova*, Dr. of Sci. (Sociology), Russian Academy of Sciences Dagestan Federal Research Center, Makhachkala, Russia; bld. 75, Yaragskogo Street, Makhachkala, Russia, 367030; madina2405@mail.ru